

А. Ш. Кошева

**ДИСКУРСИВНЫЙ МАРКЕР *SORA*: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА)***Северо-Кавказская государственная академия, г. Черкесск, Россия*

Аннотация. Предлагаемая работа выполняется в рамках текущего исследовательского проекта, направленного на описание феномена эвиденциальности в карачаево-балкарском языке. Актуальность обусловлена отсутствием исследований дискурсивных маркеров как одного из распространенных средств выражения категории эвиденциальности в карачаево-балкарском языке. Цель исследования – определение семантики и функционального потенциала отдельно взятого дискурсивного маркера карачаево-балкарского языка. Объектом выступает многофункциональный дискурсив *sora*. Задачи исследования – выявить особенности семантики и синтаксического употребления данного дискурсивного маркера и описать его функции в предложении и тексте. Материалом послужил корпус примеров, содержащих языковые единицы исследуемого феномена, отобранные методом сплошной выборки. Установлено, что функциональный потенциал значений маркера *sora* гораздо шире его словарных дефиниций. Являясь транскатегориальной единицей языка, дискурсив *sora* демонстрирует следующие функциональные возможности: актуализация высказывания; выражение коммуникативных намерений говорящего; регулирование интеракции между коммуникантами; способность изменять первичные значения и функции в дискурсе; обеспечение когерентности дискурса в целом и демонстрация различных смысловых отношений, возникающих между компонентами текста. Анализ языкового материала также свидетельствует, что исследуемая лексема является средством выражения предположительной инференциальной семантики, основанной на логическом умозаключении.

Ключевые слова: *дискурс, дискурсивный маркер, дискурсивные слова, эвиденциальность, прагматика, полифункциональность, карачаево-балкарский язык.*

A. Sh. Kosheva

**SEMANTICS AND FUNCTIONING OF DISCOURSE MARKER *SORA*
IN KARACHAY-BALKAR LANGUAGE***North-Caucasian State Academy, Cherkessk, Russia*

Abstract. The proposed work is performed as a part of an on-going research project aimed at description of evidentiality in Karachay-Balkhar language. The paper represents the study of semantics and functional variability of the most widely used discourse marker SORA. The functional properties of this marker are mentioned in dictionaries, grammars and number of specific studies, but they were not subjected to special analysis. The paper aims at bridging this gap. We identify that discourse marker *sora* is highly polyfunctional. Being a discourse marker with an expressive, conative or discourse structuring function *sora* presents a more increased pragmatic scope than those with a textual function operating at a more profound level of the discourse. The experimentally obtained data prove that *sora* is capable to perform a variety of communicative and pragmatic functions: reflecting the process of interaction between the author and the reader, conveying the author's attitude to what has been said, expressing inferential meaning, based on logical reasoning and ensuring the text coherence. The results have shown that the topic is characterized by rich empirical detail and intriguing theoretical issues. The summarization of these issues can serve as a start for further reading and exploration. The study also contributes to the general theory of evidentiality.

Keywords: *discourse, discourse marker, discursive words, evidentiality, pragmatics, textual function, polyfunctionality, Karachay-Balkar language.*

Введение. В данной работе впервые предложено описание семантики и особенностей употребления отдельно взятого дискурсивного маркера карачаево-балкарского языка. В рамках нашего исследования стояла задача исследовать семантику и особенности функционирования дискурсивного маркера *сopa* в предложении и тексте.

Незнаменательные слова или дискурсивы находятся в поле пристального внимания как зарубежных, так и отечественных исследователей. Теоретической основой работы послужили исследования А. В. Авериной, В. Д. Иванова [1]; С. В. Шустовой, Н. М. Царенко [14]; И. М. Кобозевой [9]; А. Н. Васильевой [2]; D. Schiffrin [20]; K. Fischer [17], [18]; V. Fraser [19]; G. Brown, G. Yule [16].

Размытость границ дискурсивных единиц проявляется в их терминологическом многообразии: дискурсивы, дискурсивные частицы, дискурсивные операторы, прагматические маркеры и др. [6, с. 19].

В зарубежной лингвистике пользуется популярностью термин «дискурсивный маркер», в то время как российские лингвисты чаще употребляют термины «дискурсивные слова» или «дискурсивы». Такая терминологическая вариативность незнаменательной лексики отражает различные подходы к пониманию и интерпретации семантики дискурсивов, их роли, значений и функций в коммуникации.

Анализ работ по теме исследования позволяет говорить о существовании различных исследовательских подходов к дискурсивным единицам. Так, Б. Фрейзер [19] отмечает прагматический характер дискурсивных маркеров и рассматривает их роль в обеспечении когерентности дискурса. Ч. Бауэр Рамазани за основу классификации маркеров берет их синтаксическую роль в предложении [15]. Дж. Браун и Дж. Юл выделяют характерные грамматические особенности маркеров дискурса [16, с. 106]. Д. Шифрин рассматривает дискурсивные маркеры с позиций функционального подхода и характеризует их «как единицы дейксиса, которые выступают связующим элементом между говорящим, слушающим, местом и временем» [20, с. 323–333]. В [14] авторы характеризуют дискурсивный маркер как языковой феномен, который «организует дискурс, выполняет определенные функции и осуществляет своего рода маркирование определенных смыслов, передает дополнительную информацию интенциональной направленности» [там же, с. 45]. К. Фишер отмечает полифункциональный характер дискурсивов и описывает их функции как в устном, так и в письменном дискурсе [17, с. 277–278].

Отсутствие единого подхода к рассмотрению незнаменательных слов объясняется, с одной стороны, многомерностью самого понятия «дискурсивный маркер», с другой, транскатегориальным характером данного класса языковых единиц, имеющих разную структуру, начиная со слова, словосочетания и заканчивая целыми предложениями [4], [5].

Таким образом, анализ литературы по теме позволяет констатировать, что в силу своей многозначности и зависимости от контекста дискурсивные маркеры все еще представляют проблему для исследователей, поэтому единственным критерием, позволяющим объединить дискурсивные маркеры в один класс, является функциональный [20], [3, с. 18–22].

Дискурсивные слова весьма значимы для правильного понимания смысла текста и играют важную роль в обеспечении успешности коммуникации. Лишенная частиц речь воспринимается «как грубость, жесткость, невежливость» [12, с. 63].

Несмотря на такое разнообразие мнений и характеристик, большинство ученых признают следующие характерные функции дискурсивов: а) установление смысловых связей между отдельными элементами высказываний или между высказываниями; б) установление взаимоотношений между говорящим и адресатом; в) выражение отношения говорящего к тому, о чем идет речь» [11, с. 10].

Актуальность исследуемой проблемы. Известно, что в каждом языке свой набор незначительных слов, употребление которых тесно связано с прагматикой дискурса и отражает специфические принципы функционирования национального языка. В большинстве тюркских языков «данная категория представлена в основном лишь разделами в грамматиках» [12, с. 64], по отдельным языкам имеются статьи и монографические исследования, а в вопросе классификации незначительных слов наблюдается значительный терминологический разнобой и отсутствие единых принципов и критериев.

В карачаево-балкарском языкознании незначительные слова также не были объектом отдельного исследования. Современный карачаево-балкарско-русский словарь [8] включает описания отдельных дискурсивов, словарные дефиниции которых, как правило, не дают полного описания их функций.

Таким образом, определение частеречного статуса дискурсивов в карачаево-балкарском языке, как и в большинстве тюркских языков, их классификация, типологизация, выявления их прототипических и непрототипических функций все еще остается открытым вопросом. Этим фактом и обусловлена актуальность нашего исследования. Результаты исследования могут быть использованы при составлении теоретических курсов по отдельным аспектам исследуемого языка, в преподавании теоретических курсов по общему языкознанию, а также в процессе подготовки специалистов лингвистического профиля.

Материал и методы исследования. В качестве источников фактического материала были использованы произведения карачаево-балкарской художественной прозы. Выбор произведений обусловлен тем, что они содержат фрагменты спонтанной разговорной речи. Перевод первоисточников дается в авторской редакции.

В качестве методов исследования были применены контекстуальный и описательный, позволившие рассмотреть семантику и особенности синтаксического употребления исследуемого дискурсивного маркера.

Результаты исследования и их обсуждение. Полифункциональный дискурсивный маркер *sora* имеет несколько стандартных значений, зафиксированных в словаре (*после того как, значит, а, разве*) [8, с. 566–567], и может иметь грамматический статус союза, вводного слова, частицы. Однако результаты нашего исследования демонстрируют, что семантика *sora* контекстно-зависима, в связи с чем лексикографические данные не дают исчерпывающую и адекватную информацию о семантико-синтаксических свойствах и функциях данного дискурсива. Было выявлено, что маркер *sora* может выражать согласие, удивление, недовольство, служит ответным сигналом со стороны слушателя, а также способствует завершению высказывания. Подтвердим сказанное примерами из художественного текста.

По нашим наблюдениям, семантические и функциональные особенности дискурсивного маркера *sora* зависят от его местоположения в предложении. Так, занимая инициальную позицию, он может служить для образования встречного вопроса (1); образования сигнала обратной связи (2); выражения согласия / недовольства с предыдущим высказыванием (3); маркирования размышления адресанта (4).

1) – *Автобус сабий басса, ким джууаб берликди?*

– *Сора автобус сабийни нек басады? Теблетиге кълса, кенг автотрассада да теблеталлыкды. Тар орамда адам теблемей, сакъ джюрюрге болмаймыды? Баиша машина джюрюйле да? Автобусчу сокъурмуду? – деб илинди Анзор.* (Л. С., с. 165).

‘– *А если автобус соьбет ребенка, кто будет за это отвечать?*

– *А почему это автобус должен сбить ребенка? Уж если дошло до этого, так и на широкой автостраде сбивают людей. И почему по узкой улице нельзя ездить осторожно, не сбивая никого? Машины же ходят? Водитель автобуса слепой что ли?*

В начале вопросительного предложения маркер усиливает выразительность высказывания и «подчеркивает недоумение говорящего» [1, с. 276].

2) – *Ала кеслери чегетде айланганлыкъга, кёзлери, кюлакълары элдеди, бизни хар атламыбыз алагъа билдиргенлей турадыла...*

– Да, **сора** алайланы да кьоратыргъа керекди.

– Мен айтханда олду, бу элдегилени биз джанлата башлагъанбыз.

‘– И хотя они скитаются по лесам, их глаза и уши находятся здесь, в ауле. Им сообщают о каждом нашем шаге ...

– **Ну, тогда** и этих надо убрать.

– И я о том же говорю. Мы уже взяли за этих в ауле’.

В приведенном фрагменте маркер является ответным сигналом на предыдущее предложение и позволяет выразить понимание.

3) – **Сора** келигиз былай этейик. ‘**Тогда** давайте поступим следующим образом’. (К. Д., с. 275); Да **сора** сиз да ишигизге кьарагъыз, мени да Аксаутха джетдиригиз, дели Алибек. ‘**Хорошо**, вы тогда займитесь своими делами и меня заодно подбросьте до Аксаута, – сказал Алибек’. (А. Б., с. 220).

В данном употреблении дискурсив *сора* проявляет функциональную и семантическую гибкость, употребляется как маркер согласия, положительного ответа и синонимично словам *хорошо*, *так*, т. е. является сигналом восприятия информации и перехода к новой теме.

Занимая начальную позицию в предложении, *сора* позволяет выразить упрек, недовольство [18, р. 149]:

– Эшикни ачыкъ кююбму кетдинг? ‘– Дверь оставил открытой?’

– **Сора** нек ачыкъ кюяма? Этген эдим... ‘– **Почему же**, закрыл ...’

– Къалай этдинг? Ачхыч бламы этдинг? ‘– А как закрыл? – Ключом?’

– Огъай, эшикни ары тебергенимде, этилди да къалды ... ‘– Нет, толкнул, она и закрылась’.

– Да **сора** нек алдайса? ‘– **Зачем же** ты тогда врешь?’

– Мени орнумда болсанг, кёрюр эдим. Гюнахым болмагъанлай, бу артыкълыкъга джаным къыйналгъандан, неми да унутханма ... ‘А я бы посмотрел, чтобы ты сделал на моем месте. Подвергнуть человека без вины такому испытанию, поневоле все забудешь...’ (А. Б., с. 224);

Сора алай къалай болду да? ‘**Как же** это могло произойти?’ (А. Б., с. 312).

В данных высказываниях маркер *сора*, являясь фатическим сигналом восприятия информации, одновременно позволяет выразить негативное отношение говорящего к сказанному. Следует также отметить, что в составе вопроса *сора* берет на себя основное фразовое ударение и позволяет усилить выразительность высказывания.

4) Адам аллай кюнюн къалай унутады? Адам аллай кюнюн унутмайды. Джашауунда аллай джангыз бир кюню болады. **Сора** аны калай унутур? ‘Как можно забыть такой день? Человек не может забыть такой день из своей жизни. Только раз в жизни выпадает такой день. **Разве можно** забыть такое?’ (А. Б., с. 17).

Наши наблюдения свидетельствуют, что дискурсив *сора* встречается и в монологических высказываниях в ситуации, когда говорящий подчеркивает ошибочность своего предыдущего высказывания, ср.: *Тохта, андан сора* уа не джазады? *Къалай? Огъай, алай болургъа мадары джокъду. Ол джол баргъанымда, сау эди да ... Осман ауушханды. ... Османны тырнагъына джетмеген къаллай бир адам барды. Сора Осман нек кьораргъа керекди? Хо, ёлюм адамгъа хакъды. Аны барыбызда билебиз. Сора асламысына игилени нек чёблеб барады? ‘Постой, **что еще** он пишет? Как? Этого не может быть. Когда я был у него прошлый раз, он был жив ... Османа больше нет. Сколько вокруг людей, которые и ногтя Османа не стоят. **Почему же** Осман должен был уйти? Да, все мы смертны. Все это знают. **Только почему** смерть забирает в основном достойных?’ (А. Б., с. 27).*

Функциональный аспект связан не только с семантикой, но и с прагматикой, поскольку функционирование многих дискурсивов связано с выполнением ими определенных коммуникативных установок в составе высказывания, где «они играют большую роль, создавая особый колорит непосредственности, оживления и выразительности» [2, с. 3]. Известно, что многие дискурсивы обладают субъективно-модальным значением [4], которое исключительно зависит от контекста, и «поэтому их можно анализировать только в контексте» [13, с. 121]. Так, дискурсив *сора* при поддержке интонации может выполнять функцию эмотивного сигнала и выражать «восхищение – *Барады уа дейсе сора!* ‘А идет-то как!’; удивление – *Сора уа? ‘И что дальше?’*; удивление с оттенком упрека / сожаление – *Сора кьалай эшитмегенса?! / Сора кьалай этиб кьойдунг алай?! ‘Разве ты об этом не слышал?! / Как же ты такое мог сделать?!’*; радость – *Сора кьачан келеди дейсе? ‘И когда же он, говоришь, приезжает?’*; пренебрежение – *Барсын сора!* ‘Пусть себе идет!’; уверенность в справедливости своего суждения – *Сора ол сез табмаймы кьаллыкьды!* ‘Да что там он, он найдет что сказать!’; призыв к согласию – *Сора насыбы тутуп да кьалгьанды!* ‘Ну и везет же некоторым, не так ли? / да / правда?’; уступки – *Бар сора, амма ауруйду. ‘Ну ладно, иди, бабушка болеет’*» [10, с. 149].

Исследованный языковой материал свидетельствует о том, что дискурсив *сора* способен также передавать инференциальную семантику, основанную на предположении или логическом рассуждении. Это позволяет отнести *сора* не только к сфере эпистемической, но и эвиденциальной семантики.

Къанамат къараб къарагъынчы кьяяны башына ёрледи.

– Не болгьанды, не кёресе?

– Ма алайда айланчдан джыйырмагъа джууукъ атлы отряд бери бурулгъан джол бла чегетге ташайдыла.

– Да *сора* Ибрахимден бошагъанбыз, аны тутуб болгъан джерибизни айтдырыб кьойгъандыла! Былдан кьораргъа керекбиз!

– Алай деген неди? Ибрагим алагъа ёлгюнчу джукъ айтырыкъ тюлдю, мени аны билеме. Тутхан эселе да ол джукъ айтмагъанды!

– *Сора* билгичлери болубму келдиле бери таяныб?

‘Канамат быстро взобрался на скалу.

– Ну что там? Что ты видишь?

– Отряд примерно из двадцати всадников появился из-за поворота, свернул на дорожку, ведущую к нам, и скрылся в лесу.

‘– Ну, тогда мы потеряли Ибрагима! Они его схватили и пытали наше местоположение у него! Надо немедленно покинуть это место!

– Да ты что? Ибрагим скорее умрет, чем выдаст нас. Я в нем уверен. Даже если его схватили, он нас не выдаст!

– Как же тогда они нас обнаружили?’ (К. Д., с. 297).

Совершенно очевидно, что наряду с отрицанием передается и модальная семантика, т. е. *сора* выступает в роли дискурсивного маркера эпистемической оценки.

Дискурсивные маркеры обладают общими специфическими функциями. Так, «дискурсивные слова обладают способностью создания когерентности текста. Они позволяют сохранить структурную целостность и смысловое единство текста» [7, с. 16]. В фатическом употреблении *сора* структурирует дискурс, делит его на части, и, как правило, является ударным и выделяется паузами. Рассмотрим это на следующем примере:

Андан сора, Дадаш, Данияллары, ата-бабаларындан бери да ёбкелеринден кьарыусуз тукъумдыла, кьандан чехотдала. Данияллы Немелада эгечин кёрмеймисе-эки юч сабий табханындан бери кьобханындан джатханы кёбдю. Татаркьанлада гитче эгечин кёрмеймисе – эки-юч сабий табханлай эрине джюк болуб тургъанын? Андан сора, Данияллы

кесин кӗрмеймисе кӗаура болуб тургъанын? Ёлюб кетген кӗарнашы да алай эди, гюнахы кӗурурукъ. Андан **сора**, Дадаш, Даниялыны юдегисинде сабийлери гитчеликден джилик-джилик эдиле ... Ол ёбке ауру кӗыйынлыкъ кӗайсыларында да барды – уллусунда, гитчесинде да барыб турады. **Сора**, Даниялыны кӗызын джаш кӗре келсе, сӗлеше тургъанлай, джаш кетиб калады. Кӗызы халиси аманды. Шо, Дадаш, иги киши, кӗаши бла кӗз болгъан ол Солтанчыкӗгъа ма ол кӗызын алсанг, сени башынг джожӗду (Л. С., с. 170). **‘И, кроме того, Дадаш, весь род Данияла страдает чахоткой. Посмотри на его сестру – родила двух детей и большую часть жизни проводит в постели. А его младшая сестра? Родила трех детей и висит теперь ярмом на шее у мужа. Да что там, посмотри на него самого, высох, как щепка. И брат его покойный был точно такой же. И вообще, Дадаш, все представители рода Данияла такие болезненные. Болезнь легких у них передается по наследству. И еще, если кто-то приходит свататься к дочери Данияла, она может в середине разговора встать и уйти. У нее ужасный характер. Ради бога, Дадаш, если ты позволишь своему красавцу сыну жениться на ней, у тебя не все в порядке с головой’.**

В данном отрывке зарегистрированы многочисленные сигналы, которые способствуют логическому выстраиванию дискурса. Фрагмент ярко иллюстрирует многофункциональный характер исследуемого маркера, который реализуется только в контексте. Дискурсивное слово может иметь разные переводные эквиваленты, поэтому «не зная, в каком из своих значений выступает полифункциональный маркер в данном контексте, нельзя дать его правильный его перевод» [9, с. 250]. Варианты перевода *сора* с помощью различных дискурсивных слов в данном отрывке служат подтверждением этой неоднозначности.

Как отмечает Д. Фишер, многократное повторение дискурсивных частиц используется для создания цельности текста и способствует установлению связи в дискурсе [17, с. 278]. Данную особенность дискурсивной частицы *сора* можно проследить на следующем примере, представляющем собой диалог между участковым и подозреваемым в ограблении, где исследуемая лексема служит сигналом последовательности действий:

– Мен? Джангыласыз, мен алайда болмагъанма.

– Да, ма, кӗара, сени аякӗ ызларынгъы сураты. Экспертни кӗагъыты. Сен терезбла тюшген сагъатда кӗалгъандыла ызла ... Анга джуаб бералмайса, не? **Сора** меннге тынгыла ... Сен аракӗы ишианы талай кюнню алгъа алгъанса. Аны башын ачыб, джукълатхан дарман кӗуйгъанса. Юсуфге ичиргенсе, кесинг а Юсуфну аракӗысындан уртлагъанса. Сагъат чакӗлы бирден Юсуф джукълагъанды. Сен андан **сора** эшикни ачмагъанса, терезеден секириб джанлагъанса. Алайдан юйге джетиб, башиха туфлийле кийгенсе, сакӗал салгъанса, джолгъа чыгыб, такси тохтатханса ...

– Тохтатмагъанма мен таксини ...

– Бара барыб тенглеринги миндириб, рабкопну тонаргъа кетгенсиз ...

– Алай бир ачха сеннге кӗайдан чыкӗкӗанды да?

– Мени джанымда ачха табдыгызмы ?

– Огъай ...

– **Сора** биреуню амалыгъын меннге нек кюрейсиз? (Л. С., с. 170).

– Я? Ошибаетесь, меня там не было.

– Вот, смотри, отпечатки твоих ног. Данные эксперта. Оставил следы, когда перелезал через окно. На это возразить не можешь, так? **А дальше вот что** ... Водку ты приобрел заранее. Вскрыв бутылку, добавил снотворное. Напил этой водкой Юсуфа, а сам выпил из его бутылки. Приблизительно через час Юсуф уснул. **После этого** ты дверь не открывал, вылез через окно. Добрался домой, сменил обувь, приклеил бороду, вышел на улицу и взял такси ...

– Да не брал я такси ...

– **Потом** подобрал по дороге своих дружков и вы отправились грабить рабкоп ... Откуда такая большая сумма?

– *А разве при мне нашли деньги?*

– *Нет ...*

– *Тогда почему вы вешаете на меня чужие грехи?'*

В данном контексте *sora* выступает не только в роли организующего сигнала, но и акцентирует внимание читателя на дополнительной информации, т. е. демонстрирует предположительную инференциальную семантику.

Выводы. Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) интерпретация функций дискурсивного маркера *sora* зависит от его места в структуре высказывания, от интонации, общего контекста и смысла высказывания;

2) как единица функционально-прагматического уровня, исследуемый маркер служит для обеспечения когезии текста;

3) *sora* имеют динамическую природу и, в зависимости от контекста, может выполнять несколько функций: выражать различные реакции говорящего и регулировать интеракцию между коммуникантами, выступать в роли маркера десемантизированной оценки (*пусть, хорошо, ну хорошо, ну ладно*) и акцентива, передавать предположительную инференциальную семантику, изменять первичные значения и функции в процессе реализации.

Дальнейший анализ незначительных слов карачаево-балкарского языка позволит установить, какие функциональные свойства являются общими для всех дискурсивов и в какой мере они характерны для каждого из них. Перспективной, на наш взгляд, является типологизация дискурсивов в исследуемом языке, выявление их прототипических функций, а также анализ контекстов, в которых данные языковые единицы функционируют.

В ближайшей перспективе находятся проблемы разработки электронного корпуса карачаево-балкарского языка. Мы полагаем, что методы корпусной лингвистики, в частности создание конкордансов для каждого дискурсивного маркера, дадут возможность проиллюстрировать функционирование интересующих нас языковых единиц в различных сферах коммуникации.

МАТЕРИАЛЫ И ИСТОЧНИКИ

А. Б. – Аппаев Б. Д. Первая любовь. – Черкесск : Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отделение, 1989. – 360 с.

К. Н. – Кагиева Н. М. Къарча. – Черкесск : Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1994. – 240 с.

К. Д. – Кубанов Д. Х.-А. Голос в горах. – Черкесск : Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отделение, 1989. – 328 с.

Л. С. – Лайпанов С. З. Песня Бермамыта. – Черкесск : Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отделение, 1987. – 280 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверина А. В., Иванов В. Д. Немецкие дискурсивные частицы в структуре поля модальности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 2(80). Ч. 2. – С. 274–277.

2. Васильева А. Н. Частицы разговорной речи. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1964. – 187 с.

3. Викторова Е. Ю. Прагматическая полифункциональность дискурсивных слов // Вестник Воронежского университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 2. – С. 18–22.

4. Викторова Е. Ю. Синкретизм дискурсивных слов // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. – 2014. – Т. 14, вып. 3. – С. 14–21.

5. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое описание / сост. К. Киселева, Д. Пайар. – М. : Азбуковник, 2003. – 207 с.

6. Журавлева Е. Р., Шустова С. В. Функциональный потенциал дискурсивных маркеров в немецком языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2018. – № 4 (3). – С. 18–31.

7. Иванов В. Д. Функции дискурсивных частиц в немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. – Мытищи, 2019. – 24 с.

8. Карачаево-балкарско-русский словарь / С. А. Гочияева, Х. И. Суюнчев; под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. – М. : Русский язык, 1989. – 832 с.

9. *Кобозева И. М.* Полисемия дискурсивных слов и попытка ее разрешения в контексте предложения (на примере слова *vot*) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды Международной конференции. – М., 2007. – С. 250–255.
10. *Косева А. Ш.* Функционально-семантическое поле модальности в разносистемных языках (на материале английского и карачаево-балкарского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. – Нальчик, 2006. – 192 с.
11. *Смирнова В. В.* Формирование дискурсивных маркеров проблемной достоверности с исходной семантикой зрительного восприятия : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. – Воронеж, 2018. – 23 с.
12. *Талигина А. Р., Соловар В. Н.* Семантика и функционирование частиц в хантыйском языке (на материале шурышкарского и казымского диалектов) // Вестник угроведения. – 2014. – № 1(16). – С. 63–87.
13. *Шилихина К. М.* Изучение дискурсивных маркеров методами корпусной лингвистики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 3. – С. 120–125.
14. *Шустова С. В., Царенко Н. М.* Дискурсивные маркеры как средство формирования прагмалингвистической компетенции // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2018. – Т. 4, № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnye-markery-kak-sredstvo-formirovaniya-pragmalingvisticheskoj-kompetentsii>.
15. *Bauer Ramazani Ch.* English Discourse Markers. – URL : <http://academics.smcvt.edu/cbauerramazani/AEP/BU113/English/discmarkers.ht/>.
16. *Brown G., Yule G.* Discourse Analysis. – Cambridge : Cambridge University Press, 1983. – 288 p.
17. *Fischer K.* Discourse Markers // Pragmatics of discourse K. P. Schneider. Serie: Handbooks of pragmatics. – 2014. – Vol. 3. – P. 271–294.
18. *Fischer K.* From cognitive semantics to lexical pragmatics: the functional polysemy of discourse particles. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2000a. – 374 p.
19. *Fraser B.* What are discourse markers? // Journal of Pragmatics. – 1999. – Vol. 31. – P. 931–952.
20. *Schiffirin D.* Discourse Markers. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 364 p.

Статья поступила в редакцию 06.01.2021

REFERENCES

1. *Averina A. V., Ivanov V. D.* Nemeckie diskursivnye chasticy v strukture polya modal'nosti // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2018. – № 2(80). Ch. 2. – S. 274–277.
2. *Vasil'eva A. N.* Chasticy razgovornoj rechi. – М. : Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1964. – 187 s.
3. *Viktorova E. Yu.* Pragmaticeskaya polifunkcional'nost' diskursivnyh slov // Vestnik Voronezhskogo universiteta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. – 2014. – № 2. – S. 18–22.
4. *Viktorova E. Yu.* Sinkretizm diskursivnyh slov // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Filologiya. Zhurnalistika. – 2014. – Т. 14, вып. 3. – S. 14–21.
5. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: kontekstnoe var'irovanie i semanticheskoe opisanie / sost. K. Kiseleva, D. Pajar.* – М. : Azbukovnik, 2003. – 207 s.
6. *Zhuravleva E. R., Shustova S. V.* Funkcional'nyj potencial diskursivnyh markerov v nemeckom yazyke // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. – 2018. – № 4 (3). – S. 18–31.
7. *Ivanov V. D.* Funkcii diskursivnyh chastic v nemeckom yazyke : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04. – Mytishchi, 2019. – 24 s.
8. *Karachaev-balkarsko-russkij slovar' / S. A. Gochiyaeva, H. I. Suyunchev; pod red. E. R. Tenisheva i H. I. Suyuncheva.* – М. : Russkij yazyk, 1989. – 832 s.
9. *Kobozeva I. M.* Polisemiya diskursivnyh slov i popytka ee razresheniya v kontekste predlozheniya (na primere slova *vot*) // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii : trudy Mezhdunarodnoj konferencii. – М., 2007. – С. 250–255.
10. *Kosheva A. Sh.* Funkcional'no-semanticheskoe pole modal'nosti v raznosistemnyh yazykah (na materiale anglijskogo i karachaev-balkarskogo yazykov) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19. – Nal'chik, 2006. – 192 s.
11. *Smirnova V. V.* Formirovanie diskursivnyh markerov problemnoj dostovernosti s iskhodnoj semantikoj zritel'nogo vospriyatiya : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19. – Voronezh, 2018. – 23 s.
12. *Taligina A. R., Solovar V. N.* Semantika i funkcionirovanie chastic v hantyskom yazyke (na materiale shuryshkarskogo i kazym'skogo dialektov) // Vestnik ugrovedeniya. – 2014. – № 1(16). – S. 63–87.
13. *Shilikhina K. M.* Izuchenie diskursivnyh markerov metodami korpusnoj lingvistiki // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. – 2015. – № 3. – S. 120–125.
14. *Shustova S. V., Carenko N. M.* Diskursivnye markery kak sredstvo formirovaniya pragmalingvisticheskoj kompetentsii // Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki. – 2018. – Т. 4, № 2 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnye-markery-kak-sredstvo-formirovaniya-pragmalingvisticheskoj-kompetentsii>.

15. *Bauer Ramazani Ch.* English Discourse Markers. – URL : <http://academics.smcvt.edu/cbauerramazani/AEP/BU113/English/discmarkers.ht/>.
16. *Brown G., Yule G.* Discourse Analysis. – Cambridge : Cambridge University Press, 1983. – 288 p.
17. *Fischer K.* Discourse Markers // Pragmatics of discourse K. P. Schneider. Serie: Handbooks of pragmatics. – 2014. – Vol. 3. – P. 271–294.
18. *Fischer K.* From cognitive semantics to lexical pragmatics: the functional polysemy of discourse particles. – Berlin : Mouton de Grouter, 2000a. – 374 p.
19. *Fraser B.* What are discourse markers? // Journal of Pragmatics. – 1999. – Vol. 31. – P. 931–952.
20. *Schiffrin D.* Discourse Markers. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 364 p.

The article was contributed on January 6, 2021

Сведения об авторе

Косхева Астра Шагабановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков Северо-Кавказской государственной академии, г. Черкесск, Россия; e-mail: kosheva57@bk.ru

Author information

Kosheva, Astra Shagabanovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Languages, North-Caucasian State Academy, Cherkessk, Russia; e-mail: kosheva57@bk.ru